

В охваченном смятением императорском дворце евнухи и служанки в панике разбежались кто куда. Однако фигура, закутанная в черный плащ, бесшумно скользнула во Дворец Фунин. В огромном Дворце Фунин остался лишь один человек — главный евнух Цзи Фу. В спальном покое теплился одинокий светильник. Цзи Фу стоял, низко склонив голову; скрытое под широкими одеждами тело мелкой дрожью сотрясал страх, и он не смел проронить ни слова.

За императорским письменным столом худая фигура держала кисть. Размашистым взмахом рука вывела четыре больших иероглифа: «Не вопрошай Небеса».

Монах Шаньтин сбросил капюшон, отвесил монашеский поклон и произнес мягким, спокойным голосом:

— Его Величество.

Чжао Фу не ответил. Он бережно завершил начертание четырех иероглифов, достал личную императорскую печать, обеими руками обмакнул её в киноварную пасту и приложил к бумаге. Насладившись собственным каллиграфическим мастерством, он лишь затем поднял голову и спросил:

— Взгляни, как тебе эти четыре иероглифа?

Шаньтин бросил взгляд издали:

— Свободный от мирской суеты не произносит лжи.

Чжао Фу расхохотался, а затем обратился к Цзи Фу:

— Слышишь? Он намекает, что написал я так себе!

Лицо Цзи Фу от напряжения одеревенело. Услышав обращение Чжао Фу, он тут же откликнулся:

— Ничтожный слуга считает, что Его Величество написал превосходно.

Чжао Фу кивнул:

— Вот и я полагаю, что написал превосходно.

Бросив кисть в сторону, Чжао Фу опустил на трон и лениво спросил:

— Чжао Шан отправился?

— Отправился, — ответил Шаньтин.

— А Чжао Цзин и Чжао Цзи?

— Они тоже прибыли.

Чжао Фу приоткрыл было рот, но тут же сомкнул губы. Спустя долгое время он размеренно произнес:

— Пожалуй, в этот час кому-то уже пора бы появиться во Дворце Фунин.

Едва эти слова слетели с его губ, как снаружи Дворца Фунин появился начальник

императорской гвардии Жуань Фэн. Павши на колени, он просил об аудиенции. Чжао Фу велел ему войти. Император поднялся, сделал пару шагов, и в его взгляде на мгновение промелькнули редкие сожаление и борьба. Лишь после этого он тихо спросил:

— Что там? Чжао Шан, Чжао Цзин или Чжао Цзи?

Жуань Фэн помедлил и, сложив руки в приветствии, ответил:

— Все трое принцев находятся во Дворце Цычэнь, ожидая решения Вашего Величества.

Чжао Фу содрогнулся и замер на месте.

В следующее мгновение он спросил:

— Все трое?

— Да, все трое, — подтвердил Жуань Фэн.

— Как они могут быть там все?!

— Господин Левый канцлер... один, на коне, первым вошел во Врата Чжаодэ. Второй принц не приказал стрелять, и потому... все они сейчас во Дворце Цычэнь ждут Его Величество.

Чжао Фу бессильно опустил на трон, растерянно глядя на четыре иероглифа на столе.

«Не вопрошай Небеса».

Монах Шаньтин перебирал четки. Его голос, как и прежде, доносился словно из тумана:

— Кармическое препятствие есть причина, преодоление его — плод. Одержимый страстями подобен человеку, идущему с факелом против ветра: он неизбежно обожжет руки. Но из-за ложных помыслов и привязанностей невозможно достичь просветления. Благодетель, на дне Ада Авичи, в преисподней терний и шипов, в конечном счете останешься лишь ты один.

Чжао Фу резко вскинул голову. Его взгляд, прикованный к Шаньтину, пылал откровенным намерением убить.

Круглолицый монах с благостным ликом по-прежнему безмятежно читал молитвы, не ведая ни радости, ни печали.

Ночь прошла в грохоте оружия и боевых барабанов. В Усадьбе Правого канцлера на кухне давно перестали подавать блюда, но Тан Шэнь и Правый канцлер так и просидели у стола, не смыкая глаз всю ночь.

Восток заалел, показался край восходящего солнца.

Стражник вбежал в Усадьбу Правого канцлера:

— Докладываю господину канцлеру: господин Гэн из Приказа наказаний полчаса назад прибыл во дворец.

Ван Цюань удивился:

— Гэн Шаюнь? С чего бы ему идти во дворец? Что же всё-таки произошло прошлым вечером в

палатах?

Стражник лишь выполнял приказ Ван Цюаня — разыскивал вести там, где велено, а о том, о чем не доложили, сказать не мог. Ван Цюань взмахнул рукой:

— Свободен.

— Слушаюсь.

Тан Шэнь посмотрел на него:

— Дядюшка-предок, что же на самом деле произошло во дворце?

Ван Цюань беспомощно ответил:

— Эх, ты... Спрашивай не спрашивай, а я и сам не ведаю.

Тан Шэнь смутился.

— Впрочем, то, что Гэн Шаоюнь отправился во дворец, стало для меня неожиданностью, — продолжил Ван Цюань. — Раз уж он пошел туда, неужели во вчерашнем деле произошел поворот? Но какой именно? — Он оживился, но сколько ни ломал голову, так и не смог разгадать эту загадку.

И он, разумеется, не знал, что у Дворца Фунин Цзи Вэнцзи, облаченный в потертое чиновничье платье, вслед за главным евнухом Цзи Фу уже вошел в покои. Едва ступив за порог, он ощутил витающий тонкий аромат сандала; дымные кольца клубились вокруг, лишая покоя. Канцлер Цзи не подпирал взором потолок, а так и стоял посередине зала, опустив глаза и молча ожидая.

Спустя долгое время из-за занавеси вышла фигура. Человек подошел к Цзи Вэнцзи и долго, молча смотрел на него.

Вздых прозвучал будто издалека:

— Чунмин...

Левый канцлер Цзи Вэнцзи носил второе имя Чунмин, взятое из «Чжоу и»: «Повторный свет, дабы придерживаться правого дела».

Канцлер Цзи медленно поднял голову и искренне произнес:

— Ваш подданный, Цзи Вэнцзи, приветствует Его Величество.

Чжао Фу мягко спросил:

— Зачем ты пришел во дворец?

— Ваш подданный беспокоится о драгоценном здравии Его Величества.

— Я чувствую себя вполне хорошо.

— Коли Его Величество здравствует, сердце вашего подданного исполнено радости.

Государь и слуга молча стояли друг против друга. Никто не ведал, сколько прошло времени; воскурившийся в зале амбровый фимиам полностью истлел, и воздух начал остывать.

— Чунмин, мы пробыли государем и слугой более двадцати лет. И вдруг мне показалось, что я совершенно перестал тебя понимать.

Цзи Вэнцзи, наклонив голову, с достоинством ответил:

— Ваш подданный тоже никогда не понимал Его Величество.

Бах!

Пиала с чаем полетела прямо в лоб Цзи Вэнцзи. Удар разбил ему лоб до крови; чашка упала на пол и разлетелась на куски. Цзи Вэнцзи был уже человеком в годах. От неожиданного удара он пошатнулся, едва не упав, но все же удержал равновесие.

Чжао Фу нервно, отрывисто рассмеялся, и голос его прозвучал визгливо:

— Ты меня не понимаешь?!

Кровь заливала все его лицо. Цзи Вэнцзи поднял взор. Его лицо было испещрено глубокими морщинами, однако глаза смотрели сурово и ясно. Истекая кровью, он заговорил тихим, неслыханно спокойным голосом:

— Да, Ваш подданный не понимает. Я не понимаю, в чем провинился Второй принц, что вы нарекли его мятежником. Не понимаю и того, в чем провинились Четвертый принц и Пятый принц, что вы желаете им смерти. Даже лютый тигр не пожирает своих детенышей. Если все трое принцев погибнут, то кому вы намерены уступить земли Великой Сун — эти земли, которые с таким трудом отняли у других? Чжао Ао? Чжао Цзюну? Неужели вы забыли, что почти все носители фамилии Чжао под этим небом давно истреблены, и ныне осталась лишь ветвь Князя Цзина?

Каждое изрекаемое Цзи Вэнцзи дерзкое, крамольное слово звучало ровно и неторопливо, будто спокойная гладь воды, не тронутая ветерком, хотя под нею бушевали гигантские волны. С каждым произнесенным им словом лицо Чжао Фу становилось все более перекошенным от ярости. Глаза императора готовы были вылезти из орбит, он въедался убийственным взглядом в стоящего посередине зала Цзи Вэнцзи.

Однако когда Цзи Вэнцзи договорил до конца, Чжао Фу внезапно испытал облегчение.

Он со смешком взял со стола другую чашку и с грохотом швырнул ее в колонну.

Бело-голубой фарфор разлетелся вдребезги.

Цзи Вэнцзи даже взглядом не повел на разбитую пиалу.

Голос императора прозвучал чеканно, сокрушительно, словно раскат грома:

— Чунмин, ты поистине глубоко опечалил мое сердце. Неужели в твоих глазах я именно такой государь?

Канцлер Цзи поднял на него взор и серьезно ответил:

— В глазах вашего подданного Его Величество — самый мудрый правитель со времен

основания Великой Сун.

Чжао Фу изрек:

— Я даже не могу понять, сколько в твоих словах искренности.

— Они искренни от начала и до конца.

Чжао Фу онемел, а затем вздохнул:

— Тогда почему ты сегодня пришел во дворец?

— Не могу созерцать, как трагедия повторяется вновь, — ответил Цзи Вэнцзи.

Чжао Фу долго молчал, прежде чем промолчать:

— Тридцать два года назад... Помнится, Чунмина не было в Шэнцзине. Где же ты тогда находился? Надо хорошенько вспомнить...

— Ваш подданный находился на Северо-Западном рубеже, сражаясь с Армией Ляо.

— Ах да, точно! Ты был в Ючжоу вместе с Великим учителем. Великий учитель неоднократно хвалил тебя перед покойным императором, называя редким талантом, способным быть и полководцем, и канцлером, — на лице Чжао Фу осело недоумение. — Тебя не было в Шэнцзине, ты не примыкал ни к фракции бывшего наследного принца, ни к фракции Сунцин... Какое же тебе дело до всего этого?

Цзи Вэнцзи внезапно умолк. Спустя мгновение он заговорил о другом:

— Ваш подданный внезапно кое-что понял о Его Величестве.

— О? И что же ты понял?

— Вы на самом деле никогда не менялись. Это ваш подданный проявил глупое упрямство. Раньше я не понимал: если бы все трое принцев погибли у Врат Чжаодэ, то какая была бы польза от этих земель Великой Сун, добытых вашим тяжким трудом? Но в этот миг я осознал: вам важна эта держава лишь потому, что она принадлежит вам. А если она перестанет быть вашей, то чьей бы она ни стала — Чжао Шана, Чжао Цзина, Чжао Цзи или даже Чжао Ао и Чжао Цзюна — какое вам до неё дело?

Губы Чжао Фу шевельнулись.

<http://bllate.org/book/18292/1757490>